

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ 3-ТОМ НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Философия общества

Нужно сказать, что в разделе о философии познания того периода Энтони Кенни рассматривает достаточно много разных аспектов. Он говорит о соотношении реализма и идеализма, Он говорит не только об эмпиризме, но и о понимании Спинозы и о многом другом. Но формат лекций не позволяет нам подробно останавливаться на этом интересном изложении. Вы можете прочесть его в переводе на казахский язык, который планируется к выпуску. И вообще структура наших лекций не совсем точно совпадает со структурой самой книги.

Сегодня мы поговорим о развитии политической философии. Этот раздел Энтони Кенни начинает с политической теории, выдвинутой Спинозой.

Политическая теория, выдвинутая Спинозой в «Богословско-политическом трактате» («The ologico Politicus») в 1670 году, напоминает теорию Гоббса в Левиафане двумя десятилетиями ранее. Оба философа были детерминистами, оба начинали со взгляда на человеческую природу как на фундаментально эгоистическую. Бенедикт Спиноза писал: «Это суверенный закон и право природы, что каждый человек должен стремиться сохранить себя таким, какой он есть, не взирая ни на что, кроме себя». Когда Спиноза говорит о законах природы, он не имеет в виду набор заповедей или принципов, которым человек обязан подчиняться. Он имеет в виду естественные закономерности, определяющие поведение всего живого или инертного. Рыбы обладают естественными правами не меньше, чем люди, и в контексте вечного порядка природы человек – не более чем пятнышко.

Естественные права человека определяются не разумом, а желанием и силой. Каждый, мудрый или глупый, имеет право на все, что хочет и может это получить; природа запрещает только то, чего никто не хочет и никто не может достичь. Тем не менее, людям лучше жить по законам и велениям разума, потому что каждый чувствует себя небезопасно посреди вражды, ненависти, гнева и обмана, хотя всё это законно в естественном состоянии. Поэтому люди должны договориться, руководствоваться разумом, подавлять вредные желания.

Но соглашение между одним человеком и другим, утверждает Спиноза, действует только до тех пор, пока оно полезно. Я могу нарушить любое обещание, как только оно перестанет быть в моих интересах. Поэтому необходимо подкрепить контракты угрозой какого-то большего зла, чем зло, которое будет искушать людей разорвать его. Это может быть достигнуто только в том случае, «если каждый человек передаст всю свою власть политическому органу, который будет обладать суверенным естественным правом на всё». Эта власть, как и государь Гоббса, не будет связана никакими законами, и все будут обязаны подчиняться ей во всё.

Но права суверена в гражданском обществе, как и права индивида в естественном состоянии, распространяются только на его власть. Если ему не хватает силы исполнять свою волю, ему не хватает и права. По этой причине передача власти от человека государству никогда не может быть полной. Суверен не может управлять внутренними привязанностями субъекта. Здесь Спиноза явно отмежевывается от Гоббса. Ни один человеческий разум не может полностью находиться в распоряжении другого, ибо никто не может добровольно передать своё естественное право на свободный разум и суждение, или быть принужденным к этому. В демократии, которую Спиноза считал наиболее естественной формой правления, «никто не передаёт свое естественное право настолько, чтобы у него не было выбора в делах, он лишь передаёт его большинству общества, единицей которого он является. Таким образом, все люди остаются, как они были в естественном состоянии, равными». Более того, Спиноза имеет более позитивную причину, чем Гоббс, для подчинения себя суверенитету государства. Это не просто обеспечение безопасности от нападения со стороны других, это также обеспечение условий для жизни в условиях полной самореализации.

Из своей абстрактной теории государства (в сочетании с размышлениями об истории, особенно у евреев) Спиноза делает ряд весьма специфических политических выводов. Во-первых, если духовенству дают политическую власть, это всегда приводит к неприятностям. Во-вторых, хорошие правительства позволяют свободу религиозных убеждений и философских спекуляций. Каждый должен быть свободен в выборе для себя своей основной веры, потому что законы, направленные против простого мнения, только раздражают праведников, не сдерживая преступника. Наконец, Спиноза предупреждает, что как только вы создадите монархию, от нее будет очень трудно избавиться. В доказательство этого он указывает на недавнюю историю Англии, где за низложением законного короля последовало правление гораздо большего тирана.

Исследуя отношения между религией и государством, Спиноза критически описывает еврейское государство эпохи Первого и Второго храмов. Некоторые исследователи полагают, что критика Спинозы фактически была направлена против попыток вмешательства протестантского духовенства в государственные дела Голландии. Другие, однако, считают, что объектом критики Спинозы было руководство еврейской общины, в результате конфликта с которым свободный мыслитель оказался вне рамок иудаизма. По мнению Спинозы, еврейское государство в древности было единственной в своем роде попыткой осуществить на практике идею теократии, в которой Богу отводится место, занимаемое в других государственных устройствах монархом или аристократией. Бог не мог править еврейским народом иначе, как через своих посланцев. Законодателем и верховным истолкователем воли Бога был Моисей, а после его смерти возникли две системы власти: духовная (священники и пророки) и светская (судьи, позднее – цари). Первый храм пал из-за борьбы между этими властями, Второй – из-за попыток духовенства подчинить государственные дела религиозным соображениям. Спиноза приходит к выводу, что теократия вообще не может существовать, а кажущийся теократическим режим есть в действительности замаскированное господство людей, которых считают посланцами Бога.

Примерно так Энтони Кенни представляет нашему вниманию политическую теорию Баруха (или как его называют сегодня, Бенедикта) Спинозы. После этого Кенни снова обращается к наследию Джона Локка в области политической философии.

Как и Гоббс, Локк свои «Два трактата о гражданском правлении» начинает с рассмотрения естественного состояния. Он утверждает: «Все люди естественно находятся в таком состоянии и остаются таковыми до тех пор, пока по собственному согласию не становятся членами какого-то политического общества».

Взгляд Локка на естественное состояние гораздо более оптимистичен, чем у Гоббса. Это не состояние войны, потому что все знают о естественном законе, который учит, что все люди равны и независимы и что никто не должен вредить другим в его жизни, свободе или владении.

Что такое собственность в естественном состоянии? Является ли вся земля общим достоянием человечества, как утверждали ранее политические теоретики, или же Бог назначил разные её части разным народам и семьям? Или нет такого понятия, как частная собственность перед всем организованным обществом?

Ответ Локка гениален. Право собственности на частную собственность, даже в естественном состоянии, даёт труд. Мой труд, несомненно, принадлежит мне. И смешивая мой труд с природными благами, черпая воду, расчищая леса, обрабатывая почву и собирая плоды, я приобретаю право на то, над чем я работал и что я из этого сделал. Но моё право неограничено. Я имею право только на те плоды своего труда, которые могу потреблять, и только на то количество земли, которое я могу возделывать и использовать. Однако то, что я таким образом приобрел, я могу передать своим детям. Право наследования является естественным и предшествует любой гражданской кодификации.

Для Локка, в отличие от Гоббса, права собственности предшествуют и не зависят от какого-либо соглашения. Однако в естественном состоянии природы люди лишь ненадежно владеют своим имуществом. Другие люди, хотя и знают об учениях природы, могут нарушать их, и нет центральной власти, чтобы дисциплинировать их. Люди имеют теоретическое право наказывать, но у них может не быть для этого достаточных полномочий. И каждый не может быть судьей в своем деле. Именно это приводит к учреждению государства единственно возможными средствами, а именно, людьми, согласившимися вместе отказаться от части своей естественной свободы «объединяться и объединяться в сообщество для своей комфортной, безопасной и мирной жизни друг с другом, в безопасном пользовании своей собственностью и большой безопасности от любого, кто не является ее частью».

Но проблема возникает, если, как считал Локк, сила обеспечения соблюдения законов включает право на применение смертной казни. Первоначальные подрядчики могут передавать только те права, которые у них есть, но по естественному закону никто не имеет права совершать самоубийство. Как же тогда кто-то может наделить кого-то ещё правом – пусть даже условным правом – убить его? Конечно, только Бог может предоставить такое право. И это был один из аргументов для получения власти правителей непосредственно от Бога.

Основным отличием социального договора Локка от конвенции Гоббса является то,

что губернаторы, в отличие от суверена Гоббса, сами являются сторонами первоначального договора. Они обладают своими полномочиями попечителей сообщества, и если правительство нарушает возложенное на него доверие, люди могут его снять или изменить. Законы должны отвечать трём условиям: они должны быть равными для всех; они должны быть разработаны на благо народа; и они не должны облагаться никакими налогами без согласия народа. Верховная власть не может отнять у человека без его согласия какую-либо часть его имущества. «Правитель, который нарушает эти правила и правит в своих собственных интересах, а не для общего блага, находится в состоянии войны со своими подданными. И тогда восстание оправдывается как форма самообороны». Когда Джон Локк опубликовал свои «Трактаты», он, очевидно, имел в виду самодержавную власть Стюартов и Славную революцию 1688 года в Англии.

Система Локка не оригинальна и не последовательна, Тем не менее, она очень влиятельна, и её влияние продолжается среди людей, которые перестали верить в теории состояния природы и естественного права, лежащие в их основе. Отцы-основатели Соединенных Штатов в значительной степени опирались на второй трактат, утверждая, что король Георг III, не менее чем стюартские монархи, произвольным правительством и необоснованным налогообложением лишился права управлять и сделал себя врагом своих американских подданных.

Далее Энтони Кенни обращается к философскому наследию Монтескье.

Американская Конституция во многом обязана французскому философу Монтескье, который был почти на шестьдесят лет младше Локка. Шарль Луи Монтескье собрал огромную массу географических, исторических и социологических данных, неравномерной достоверности, на которой построил теорию природы государства. Он писал: «Люди управляются многими факторами: климатом, религией, законом, заповедями власти, примерами из прошлого, обычаями, нравами. И от сочетания таких влияний возникает общий дух». Общий дух конкретного общества находит свое выражение в соответствующих ему законах. Он создаёт «дух законов», который дал имя политическому трактату Монтескье.

Надо иметь в виду, что Аристотель тоже изучил множество конституций и классифицировал их в три вида: монархию, аристократию и демократию. Монтескье также, после своих социологических исследований, предлагает тройную классификацию, но его типы: республиканские, монархические и деспотические. (Делая реверанс в сторону Аристотеля, он делит республики на демократические и аристократические). Каждый Тип государства характеризуется соответственно доминирующей характеристикой: добродетелью, честью и страхом.

В деспотическом государстве правление осуществляется Указом правителя, подкреплённым не законом, а религией или обычаем. В монархии управление осуществляется иерархией чиновников различного ранга и статуса. В Республике все граждане должны быть воспитаны в гражданских ценностях и подготовлены для выполнения общественных задач.

Республики, как нам говорит Монтескье, подходят для холодного климата и малых государств. Деспотизм подходит для больших государств и жаркого климата. Конституция, подходящая для сицилийцев, не подойдет шотландцам, так как, среди прочего, морские острова отличаются от горных материков. Однако Монтескье отдаёт предпочтение монархии, особенно «смешанной монархии», которую он различал в Англии.

Особенностью, которой Монтескье восхищался в британской Конституции, и которая нашла своё воплощение в американской Конституции, был принцип разделения властей. После революции 1688 года парламент получил единоличную законодательную власть, оставив на практике значительную исполнительную власть королевским министрам. И судьи стали в значительной степени свободными от вмешательства правительства. В британском Конституционном праве до сих пор не было и не содержится какого-либо конкретного заявления о том, что законодательная, исполнительная и судебная ветви власти не должны быть объединены в одном лице или учреждении, или какой-либо сформулированной теории сдержек и противовесов. Тем не менее, доброжелательное толкование Монтескье Ганноверской системы, в которой власть министров суверена в основном зависит от согласия Парламента, оказывает длительное влияние на создателей конституций во многих частях мира.

По мнению Монтескье, разделение властей имеет важное значение, поскольку оно обеспечивает наилучшую защиту от тирании и наилучшую гарантию свободы субъекта. Что же

такое тогда свобода? Монтескье отвечает: «Свобода является правом делать всё, что позволяют законы». Мы можем задать вопрос – всё ли это? Разве гражданин тирании не пользуется такой большой свободой? Сначала мы должны помнить, что для Монтескье деспот правит не законом, а декретом. Только инструмент, созданный независимым законодательным органом, считается законом. Во-вторых, во многих странах, включая Францию того времени, граждане часто подвергались риску произвольного ареста за действия, которые были совершенно законными, но считались чрезмерными со стороны тех, кто находился у власти.

Монтескье предложил другое, более существенное определение свободы. Она заключается не в свободе от всякой сдержанности, а «в силе делать то, что мы должны делать, и не быть принужденными делать то, чего мы не должны делать». Эта связь между либеральными социальными институтами и идеализированной формой индивидуального волеизъявления развилась в существенную политическую теорию Жана-Жака Руссо в его «Общественном договоре».

Энтони Кенни не ограничивается анализом философского наследия в политических вопросах только этих мыслителей Нового времени. Он очень подробно, очень интересно говорит о теории государства нации Гегеля. Гегель как раз связывает свою концепцию государства нации через эволюцию духа. Становление нации происходит тогда, когда государство воплощает в себе этот дух. Когда государство выражает дух нации. На такое понимание опирался Эрнест Ренан в своём определении, когда говорит о том, что нация – это прежде всего идея. Ренан высказывался в том смысле, что нация – это ежедневный плебисцит по вопросу о совместном проживании людей. Конечно, тема государства нации более чем актуальна для философов Казахстана, для нашего общества.